

Этимология китайских и традиционных топонимов тунгусо-маньчжурских этносов Приморья

Географические названия в Приморье и других регионах России, особенно названия рек или озёр, устойчиво сохраняют архаизмы и иногда восходят к языкам-субстратам народов, живших на данной территории многие сотни и даже тысячи лет назад. Однако в большинстве случаев с появлением на территории народа с другим языком устойчивость географических названий нарушается: одни гидронимы подвергаются полной замене на топонимы, характерные языковым особенностям пришлого населения; другие трансформируются и отражают особенности языка как местного, так и пришлого населения; и только небольшая часть названий сохраняется в первоначальном виде. Рассматривая аборигенную топонимику, Ю.А. Сем и Л.И. Сем особо отметили: "до сего времени в топонимике Дальнего Востока не выявлены словообразовательные и семантические структуры, которые представляют несомненный интерес не только для собственно топонимики, но и для лингвистики, истории, этнографии" [14, с. 12].

Географические названия нередко отражают природу ландшафта, его природные богатства, свидетельствуют о характере заселения территории человеком, хозяйственной деятельности народа и других географических особенностях территории [10, с. 13; 12, с. 53–58]. Поэтому наука о топонимии привлекает в первую очередь картографов, филологов, историков, этнографов, биологов и специалистов других наук. Ученые из обычных на первый взгляд географических названий могут путем всестороннего их анализа определить не только историю происхождения топонима – этимологию, но и его смысловое значение – семантику.

При выявлении этимологии и определении семантики географических названий большую роль играет всесторонний анализ в совокупности с историческими, географическими, этнографическими, филологическими и другими сведениями. Комплексный подход при изучении гидронимов¹, оронимов², ойконимов³ и других названий позволяет выявить более точные и обширные сведения о топониме, его семантике и этимологии [10, с. 34].

В предлагаемой статье мы не преследуем цель показать все стороны науки о топонимии, а ограничиваемся только этимологией и народной семантикой некоторых географических названий Приморского края.

Приморье издревле населяли племена *воцзи* и *варка* [9, с. 47–54]. Племена варка, отмечал Г.В. Мелихов, "компактно проживали в бассейне р. Тумындзян и в верховьях Уссури, простираясь к востоку и северо-востоку до морского побережья и, захватывая прибрежные острова" [8, с. 95]. Обобщая сказанное, Мелихов делает вывод, что "варка верховьев Уссури – это орочи (удэгейцы) или их предки" [8, с. 95]. Племена воцзи, согласно китайских источников XVII в., размещались около оз. Ханка, в бассейне р. Сунгари и по притокам Уссури [4, с. 610]. В их состав входили нанайцы и кизэкэла, или так

¹ Гидроним – собственное имя водного географического объекта – водоема (море, озеро, река, пруд).

² Ороним – собственное название любого объекта рельефа земной поверхности – как выпуклого (гора, горный хребет, холм), так и вогнутого (долина, овраги др.).

³ Ойконим – собственное имя любого сельского или городского поселения.

называемые кьякар [7, с. 75] – удэгейцы, известные в разные исторические периоды под такими названиями: "... до V века были воцзюй; V–VI вв. – уцзи; VI–VII вв. – мохэ; VII–XI вв. – ужэ и удигай; XII–XIV вв. – удаха, удэгай; XVII – воцзи, кьякала – удиха и другие" [19, с. 211].

Аборигенные племена, не имея письменности, сохраняли местные топонимы только в памяти и передавали их из поколения в поколение. Поэтому до второй половины XIX в. в Приморском крае существовала только аборигенная топонимика, отражавшая мировоззрение, культуру и быт коренных народов. Ф.В. Соловьев отмечал, что первоначально аборигены края не разделяли имена на собственные и нарицательные. "Каждое название было одновременно и тем и другим. Различать их стали значительно позже. Но и это различие произошло в глубокой древности. Первые топонимы были видовые, нарицательные. Они обозначали географический объект: гора, река, озеро, лес, поле, поляна и т.д. По наименованию местности называли живших там людей. Этот обычай сохраняется до наших дней" [15, с. 141]. Е.П. Лебедева по этому поводу писала, что многие аборигенные племена и рода в XVI–XVII вв. именовались по месту своего обитания: намдулу, вангя, тунгя, хурха, айгунь и др. [7, с. 69–105].

После заключения Пекинского договора Китая с Россией (1860 г.), согласно которому Приморье вошло в состав Российского государства, в край с целью наживы стали проникать китайские отходники, которые, занимаясь здесь охотой, сбором женьшеня, добычей золота, скупкой пушнины у местного населения и другой хозяйственной деятельностью, принесли в край и свою топонимику [17, с. 44–69].

Китайские отходники при встрече с коренным населением узнавали географические названия территории, затем путем добавления к ним формантов получали топонимы созвучные с китайскими терминами. Часто китайские промисловники и охотники заходили вглубь тайги, где не было ни русских, ни коренных жителей. В необжитых местах китайцы, не зная аборигенных названий, давали речкам, протокам, горам и урочищам свои географические названия, которые со временем были зафиксированы русскими исследователями и географами, о чем и свидетельствуют материалы М.И. Венюкова, проводившего инструментальную рекогносцировку в 1858 г. пройденного пути по р. Усури от ее устья до верхних истоков. Именно на этом пути он зафиксировал только 6 китайских названий против многочисленных аборигенных топонимов [3, с. 152–153].

Из материалов Ф.В. Соловьева, занимавшегося выявлением китайских топонимов в Приморском крае, известно, что после исследований М.И. Венюкова на р. Усури работал натуралист Р.К. Маак, который в 1859 г. там уже зафиксировал 13 китайских топонимов, а в 1867–1869 гг. Н.М. Пржевальский при исследовании этой же речки и Южной части Уссурийского края из 48 географических названий записал 42 китайских топонима. Эти данные записывались в дневники, затем обрабатывались другими исследователями, попадали в печать и наносились на издаваемые карты. Таким образом, постепенно шло накопление китайских географических названий на картах территории Приморья [15, с. 171–172].

Нерусскую топонимию Приморского края можно разделить на четыре группы:

- субстратные топонимы, т.е. те топонимы, которые принадлежат языкам предшествующих народов и не объясняются на современных языках;
- географические названия коренного населения;
- названия, образованные с помощью китайских формантов;
- китайские топонимы.

Наибольшее распространение в крае получили географические названия, образованные с помощью китайских формантов: формант "гоу" – прибавляется к небольшим ручьям или речкам, протекающим по горным падам или рвам; формант "хэ" – означает "река", он прибавляется к гидронимам – названиям рек; формант "дин" – "вершина, макушка". Он используется в составе топонимов для обозначения горных вершин; формант "ча" в переводе с китайского на русский язык означает понятие "развилка реки или дороги"; формант "шань" самостоятельно означает слово "гора" [5, с. 100, 153, 176, 456, 518]. Формант "ло" или "бо" означает "озеро" или "лагуна". Синонимом этого фор-

манта является и слово "ху", которое в Китае используется для обозначения озер [11, с. 158].

До 1972 г. в Приморском крае использовались топонимы как субстратного, аборигенного, русского, так и китайского происхождения. Однако после ряда некоторых политических разногласий СССР с Китаем китайское правительство в 1957–1958, 1963–1965 и других годах повело антисоветскую политику и стало утверждать, что Приморье захвачено Россией, поэтому его надо вернуть Китаю. В качестве основного факта, подтверждающего якобы правоту притязаний, Китай стал ссылаться на топонимы китайского происхождения, распространенные в Приморье.

После мартовских событий 1969 г., когда между китайскими войсками и советскими пограничниками произошел военный инцидент на острове Даманском, а затем в окрестностях г. Семипалатинска, был поставлен вопрос о переименовании китайских топонимов в Приморском крае.

В 1972 г. в Приморском крае все без исключения топонимы, которые звучали не по-русски, были переименованы. В итоге это внесло большие трудности при чтении научной и художественной литературы, где встречается много аборигенных и китайских названий. В наши дни, когда встал вопрос о возврате некоторых старых географических названий, мы должны всесторонне рассмотреть эти топонимы, по возможности выявить их семантику и этимологию.

Определять семантику гидронимов, оронимов и других названий, т.е. узнать значение, смысл географических названий в наши дни представляется очень трудной задачей по следующим причинам: во-первых, в наши дни многие коренные жители уже не знают своего языка, а те кто и знает его, не всегда могут объяснить тот или иной топоним; во-вторых, некоторые топонимы в аборигенном и китайском языках по своему звучанию совпадают, но смысл их разный; и в-третьих, отсутствуют опубликованные по семантике и этимологии филологические, географические, биологические исследования, без которых наши знания о семантике аборигенных и других названий выступают однобоко. Однако хотелось бы надеяться, что проблемой топонимики заинтересуются этнографы, географы, биологи, картографы и другие специалисты. Они, опубликовав свои исследования о географических названиях, дадут научные материалы для будущей обобщенной работы, а пока мы имеем только минимум данных по семантике ряда названий, сведения о которых мы и приводим в настоящей работе.

Этнографические исследования показывают, что географические названия коренного населения отражают особенности рельефа местности, цвет или качество воды, есть гидронимы, связанные с числительными, территорией, на которой осуществляется хозяйственная деятельность коренных малочисленных этносов, с ориентацией на местности, о происхождении родов и племен и т.д. [12, с. 53–58]. Эти сведения показывают, что коренные жители хорошо знали территорию своего обитания и до недавнего времени могли объяснить значение многих топонимов.

Рассмотрим некоторые из них: всем известен гидроним Иман или так называемая река Большая Уссурка – крупный приток реки Уссури. По китайским источникам XVIII в. эта река носила название Ниманьхэ, местные народы называли эту реку Нимань-бира, где слово Нимань – собственное название реки, а слово "бира" имеет нарицательное значение и переводится с тунгусо-маньчжурского языка на русский язык как термин "река". На русских картах второй половины XIX столетия эта река известна под названием Нимань-бира или Иман.

Из материалов советских китайистов 1970-х гг. XX столетия известно, что этимология гидронима Иман не ясна. Однако существовало и мнение, что оно происходит от названия аборигенного рода Нимача, некогда проживавшего на берегу реки Иман.

Если учесть тот факт, что коренные жители принимали родовые имена, исходя из названия местности или гидронима, то получается, что каждый этноним является как бы вторичным названием, вытекающим из первичного имени, т.е. гидронима или какого-нибудь топонима. Например, удэгейский род Единка получил свое родовое название от одноименного названия современной реки еще в начале XX столетия [8, с. 22]. От названий рек, впадаю-

щих в Японское море, получили названия удэгейские роды Пеонка (р. Пей), Кимонко (р. Киму), Куинка (р. Куи), Амулинка (р. Амули), Аянка (р. Ая), Суанка (р. Суа), [6, с. 35] и другие. Исходя из этого, мы считаем, что гидроним Иман (Нимань) не мог произойти от родового имени Нимача, наоборот, этноним рода Нимача произошел от гидронима Нимань или Иман.

По сведениям иманских удэгейцев Сергея Монгулеевича Пеонка, Данила Сигдэ и Мусы Кялундзига, гидроним Нимань (Иман) произошел от удэгейского слова Има (Имана) – снег, т.е. Иман – это снежная река. Об этом же писал и В.К. Арсеньев, который указывал, что Иман является транскрипцией слова Иман-ха, означающего снег [1, с. 58]. Однако на материалы В.К. Арсеньева, касающиеся этимологии реки Иман, никто не обратил внимания.

В Дальнереченском районе имеется топоним Монгоу (пос. Зимники) и р. Монгоушка (р. Костюковка). Из материалов китайистов 1970-х гг. следует, что эти топонимы китайского происхождения образованы от компонентов: *мын* (*мэн*) – комары, мошки; *гоу* – падь. *Монгоу* – комариная падь. Однако иманские удэгейцы, в частности, Муса Кялундзига и Данила Сигдэ считают, что эти топонимы происходят от слова Монго – плавник на реке, который скапливается в большие заломы. Их точка зрения представляется более убедительной. Если бы аборигены края давали географические названия из соображения количества гнуса в природе, то им пришлось бы весь край назвать гнусным.

В Пожарском районе Приморского края имеется такая река, как Улунга. Ныне она называется р. Светловодная – это левый приток р. Бикина. Современные китайисты считают, что этот гидроним китайского происхождения: "у" – означает "гора"; "лун" – "горный хребет"; "гоу" – "речка". Таким образом, гидроним *Улунгоу* обозначается как Горная речка.

По сведениям бикинских удэгейцев гидроним Улунга (Уленга) означает речная местность. Если исходить из языка удэгейцев, то гидроним Улунга можно представить в виде слова *Ули* (*Ула*) – вода, река; [18, с. 260]. Окончание "нга" – суффикс, при помощи которого создаются топонимы местности. Таким образом, дословный перевод гидронима *Улунга* означает "речная местность".

Г.М. Василевич, изучая топонимику тунгусо-маньчжуров, особое значение придавала суффиксам "-нга", "-ра" и другим, при помощи которых создавались местные гидронимы и оронимы. "Названия с такими суффиксами, – писала Г.М. Василевич, – были разнесены группами древних тунгусов во время их расселения по тайге. В новых местах эти суффиксы могли фонетически несколько изменяться и наряду с этим могли образовываться новые суффиксы и новые географические термины, ставшие названиями рек, озер и гор" [2, с. 160].

Следует заметить, что многочисленные топонимы типа Улахэ и Ултиха, широко распространенные в Красноармейском, Чугуевском, Кировском, Уссурийском, Тернейском и других районах Приморского края, имеют только китайский компонент "хе" (*ха*) – "река", присоединенный к аборигенному слову *ула*, *ули* – вода, река [16, с. 120]. Однако, несмотря на то что китайисты в 1970-е гг. нашего столетия и утверждали, что часть вышеуказанных гидронимов с коренным словом "Ула" неясного происхождения, тем не менее эти гидронимы отнесли к китайским названиям.

В Пожарском районе бытует и гидроним Янга Малая или р. Пихтач. Считается, что слово Янга китайское, образованное компонентами: "Ян" – "тополь, осина"; "гоу" – "падь". *Янгоу* – Тополевая река. Бикинские и иманские удэгейцы семантику этого гидронима дают иную. Они считают, что *Янга* – это сухая протока [12, с. 54], т.е. речка, которая часто теряется среди камней.

В Пожарском районе имеется и речка Хутагоу, ныне известная под гидронимом Лебеда – это левый приток р. Бикина. Считается, что Хутагоу – название китайское, образованное компонентами: "ху" – "тигр"; "да" – "большой"; "гоу" – "падь, речка". *Хутагоу* – Тигровая речка. Удэгейцы всех территориальных групп считают, что это название состоит из двух частей: "хута" – "красный (коричневый)"; "гоу" – китайский формант, обозначающий слово "речка". Гидроним *Хутагоу* – это Красный (коричневый) ручей, истоки которого берут из болота. Нам неоднократно приходилось встречать ма-

ленькие речушки, вытекающие из болота, цвет воды которых часто бывает коричневого или красноватого оттенка [13, с. 223].

В Тернейском районе имеется гидроним Каданау. Один из них именуется как приток Длинный – это правый приток р. Дагды, впадающей в р. Самаргу. Другой – это приток Каменистый – правый приток р. Мо. Китаеведами считается, что гидроним Каданау китайского происхождения. Он образован компонентами: "кань" – "утес"; "да" – "большой"; "нао" – "изгиб, кривизна". Гидроним "Каньданао" означает "Большой кривой утес" [16, с. 52–53]. Если исходить из семантики хорских и других удэгейцев, то гидроним Каданау означает Большой утес на земле. Народная семантика не расходится и с анализом удэгейского языка. Гидроним Каданау, вернее Кадана, состоит из двух слов: "Када" – Большой утес [20, с. 42–43]; "на" – земля. Следует сказать, что по берегам рек и в тайге бассейна реки Самарги больших утесов Када очень много.

В Тернейском районе имеется и река Нахтахе (р. Кабанья). В 1970-е гг. считалось, что этот гидроним неясного происхождения, а возможно, и китайского, гадали специалисты. Если взять за основу, что этот гидроним китайский, отмечалось в специальной литературе, то он должен состоять из компонентов: "нао" – "грязь"; "да" – "большой"; "хэ" – "река". Наодахэ – это значит Большая грязная река [16, с. 73–74]. Если бы эта река действительно была очень грязной и очень большой, то можно было бы согласиться с такой семантикой, но Нахтахе – река чистая. Самаргинские удэгейцы называют ее Нахтаха, что в переводе означает: "нахта" – "кабан"; "ха" – китайский формант – "река". *Нахтаха* – Кабанья река.

В Красноармейском районе Приморского края бытует ряд гидронимов со словом Кандама – это Кандама Левая (Левая Руслановка), Кандама Малая (Малая Руслановка) и Кандама Правая (Правая Руслановка). Считается, что этот гидроним китайского происхождения, образован от компонентов: "кань" – "сухой"; "да" – "большой"; "ма" – "конопля". *Кандама* – Сухая конопля [16, с. 53]. Мы считаем, что это не так. Во-первых, на берегах горных рек конопля не растет. Во-вторых, иманские удэгейцы утверждают, что гидроним Кандама следует понимать как Каменистая река, покрытая округлыми валунами, похожими на нарост на дереве *канда мо* (*канда* – выпуклый нарост (бородавка); *мо* – дерево (ствол от корня до первых веток)).

Мы проанализировали только часть хорошо нам известных топонимов, в основе которых находятся аборигенные слова, а в окончании – китайские форманты. В списке имеется не один десяток аналогичных топонимов, которые необходимо подвергнуть всестороннему анализу и определить их семантику и этимологию. Для проведения этой работы необходимо привлечь филологов тунгусоведов, китайистов, географов, биологов, геологов и других специалистов. Только после всестороннего рассмотрения и изучения топонимов разными специалистами можно будет более объективно судить об их значении, происхождении, а значит и их в дальнейшем бытовании.

В заключение следует сказать, что топонимика коренного населения является наиболее древней. Она сложилась в процессе длительной истории аборигенов края и может служить источником при изучении расселения народов Приморья, Приамурья и других регионов России.

Китайские географические названия в крае появились только после 1860 г. в результате пребывания здесь китайских отходников. Китайские названия являются вторичными топонимами или представляют собой наложение одних топонимов на уже существующие аборигенные названия. С уходом китайцев из Приморья многие их географические названия исчезли, остались только те, которые были нанесены на карты XIX столетия.

Литература

1. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историческо-этнографический // Записки Приморского отделения Императорского русского географического общества. Хабаровск, 1914. 203 с.
2. Василевич Г.М. Топонимы тунгусского происхождения // Этнография имён. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1971. С. 160–171
3. Венюков М. И. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск: Дальгиз, 1952. 312 с.
4. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке М.: Изд-во АН СССР, 1960. 662 с.
5. Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником Пекинской духовной миссии Архимандритом Палладием и Старшим драгоманом Императорской дипломатической миссии в Пекине П.С. Поповым. Пекин: Типография Тунь-Вэнь-Гуань, 1888. Т.2. 739 с.
6. Ларькин В.Г. Некоторые данные о родovém составе удэгейцев // КСИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: 1957. Вып. 27. С. 35–41.
7. Лебедева Е.П. Расселение маньчжурских родов в конце XVI и начале XVII веков // Ученые записки Ленинградского ун-та. Л.: 1957. Т.132. С. 69–110.
8. Мелихов Г.В. Процесс консолидации маньчжурских племен при Нурхади и Абахэе (1591–1644) // Маньчжурское владычество в Китае. М.: Наука, 1966. 387 с.
9. Мелихов Г.В. Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 248 с.
10. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Изд-во "Мысль", 1974. 383 с.
11. Ошанин И.М. Китайско-русский словарь. М.: Издательство: иностранных и национальных словарей, 1952. 890 с.
12. Подмаскин В.В. Удэгейские топонимы // Филология народов Дальнего Востока (Ономастика). Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1977. С. 53–58.
13. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX – XX вв. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 228 с.: ил.
14. Сем Ю.А., Сем Л.И. История изучения ономастики Дальнего Востока // Филология народов Дальнего Востока (Ономастика). Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1977. С. 3–21.
15. Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье. Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1973. 282 с.
16. Соловьев Ф.В. Словарь китайских топонимов на территории Советского Дальнего Востока. Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1975. 222 с.
17. Соловьев, Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1980. 127 с.
18. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. Л.: Изд-во "Наука" Ленинградское отделение, 1977. Т. 2. 992 с.
19. Старцев А.Ф. Этническая история и проблема этногенеза удэгейцев // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. (Первые Шавкуновские чтения). Сб. науч. статей. Владивосток: "Дальнаука", 2008. С. 205–215.
20. Шнейдер Е.Р. Краткий удэйско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.-Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1936. 148 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arsen'ev V.K. Kitajtsy v Ussurijskom krae: Oчерk istoricheskogo-ehtnograficheskij // Zapiski Primorskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. Khabarovsk, 1914. 203 s.
2. Vasilevich G.M. Toponimy tungusskogo proiskhozhdeniya // Ehtnografiya imyon. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury izdatel'stva "Nauka", 1971. S. 160–171
3. Venyukov M. I. Puteshestvie po Priamur'yu, Kitayu i Yaponii. Khabarovsk: Dal'giz, 1952. 312 s.
4. Dolgikh B.O. Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII veke M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. 662 s.
5. Kitajsko-russkij slovar', sostavlennij byvshim nachal'nikom Pekinskoj dukhovnoj missii Arkhimandritom Palladiem i Starshim dragomanom Imperatorskoj diplomaticheskoy missii v Pekine P.S. Popovym. Pekin: Tipografiya Tun'-Vehn'-Guan', 1888. T.2. 739 s.
6. Lar'kin V.G. Nekotorye dannye o rodovom sostave udehgejtsev // KSIEH im. N.N. Miklukho-Maklaya. M.: 1957. Vyp. 27. S. 35–41.
7. Lebedeva E.P. Rasselenie man'chzhurskikh rodov v kontse XVI i nachale XVII vekov // Uchenye zapiski Leningradskogo un-ta. L.: 1957. T.132. S. 69–110.
8. Melikhov G.V. Protsess konsolidatsii man'chzhurskikh plemen pri Nurkhatsi i Abakhae (1591–1644) // Man'chzhurskoe vladychestvo v Kitae. M.: Nauka, 1966. 387 s.
9. Melikhov G.V. Man'chzhury na severo-vostoke (XVII v.). M.: Nauka, 1974. 248 s.
10. Murzaev E.H.M. Oчерki toponimiki. M.: Izd-vo "Mysl'", 1974. 383 s.
11. Oshanin I.M. Kitajsko-russkij slovar'. M.: Izdatel'stvo: inostrannykh i natsional'nykh slovarej, 1952. 890 s.
12. Podmaskin V.V. Udehgejskie toponimy // Filologiya narodov Dal'nego Vostoka (Onomastika). Vladivostok: IIAEH DVNTS AN SSSR, 1977. S. 53–58.
13. Podmaskin V.V. Narodnye znaniya udehgejtsev: istoriko-ehtnograficheskoe issledovanie po materialam XIX – XX vv. Vladivostok: DVO RAN, 1998. 228 s.: il.
14. Sem YU.A., Sem L.I. Istoriya izucheniya onomastiki Dal'nego Vostoka // Filologiya narodov Dal'nego Vostoka (Onomastika). Vladivostok: IIAEH DVNTS AN SSSR, 1977. S. 3–21.
15. Solov'ev F.V. Kitajskie otkhodniki i ikh geograficheskie nazvaniya v Primor'e. Vladivostok: IIAEH DVNTS AN SSSR, 1973. 282 s.
16. Solov'ev F.V. Slovar' kitajskikh toponimov na territorii Sovetskogo Dal'nego Vostoka. Vladivostok: IIAEH DVNTS AN SSSR, 1975. 222 s.
17. Solov'ev, Kitajsoe otkhodnikchestvo na Dal'nem Vostoke Rossii v ehpkhu kapitalizma (1861–1917 gg.). M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury, 1980. 127 s.
18. Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: Materialy k ehtimologicheskomu slovarju. L.: Izd-vo "Nauka" Leningradskoe otdelenie, 1977. T. 2. 992 s.
19. Startsev A.F. Ehtnicheskaya istoriya i problema ehtnogeneza udehgejtsev // Tunguso-man'chzhurskaya problema segodnya. (Pervye SHavkunovskie chteniya). Sb. nauch. statej. Vladivostok: "Dal'nauka", 2008. S. 205–215.
20. SHnejder E.R. Kratkij udehjsko-russkij slovar' s prilozheniem grammaticheskogo oчерka. M.-L.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1936. 148 s.

Старцев А. Ф. Этимология китайских и традиционных топонимов тунгусо-маньчжурских этносов Приморья.

Географические названия, особенно гидронимы, оронимы и ойконимы, устойчиво сохраняются в памяти аборигенных племен, населявших Приморский край в прошлые века нашей эры. К таким средневековым этносам относятся племена воцзи, уцзи, удаха и другие, которые по определению отечественных востоковедов являлись предками современных удэгейцев, нанайцев, орочей и др. аборигенов края. Аборигенные племена дисперсно расселялись по территории Приморья, начиная от границ современной Северной Кореи и вплоть до низовьев Амура, включая всё побережье Японского моря, прилегающие территории озера Ханки, бассейнов рек Сунгари, Усури и других мест. Аборигены края, осваивая эти территории, называли их с учетом промысловых, природных и этнических особенностей и сохраняли эти топонимы в своей памяти сотни лет. С изменением этнического состава менялись и географические названия, особенно это стало заметным с появлением в крае китайских отходников, которые оказали значительное влияние на изменение топонимов в крае, что и было зафиксировано на географических картах и отражено в публикациях отечественных исследователей. Во второй половине 70-х гг. XX столетия было принято решение о замене китайских топонимов в крае, оставая при этом аборигенную топонимику. Этимология и народная семантика аборигенных топонимов свидетельствует, что они отражают национальные особенности местных этносов и их глубокие знания о занимаемой территории.

Ключевые слова: *культура, традиция, топонимы, этимология, семантика, племена, аборигены, территория, Приморье.*

Startsev A. F. Etymology of Chinese and traditional toponyms of the Tungus-Manchu ethnic groups of Primorye.

Geographical names, especially hydronyms, oronyms and oikonyms, are steadily preserved in the memory of the aboriginal tribes who inhabited the Primorsky Territory in the past centuries of our era. These medieval ethnic groups include the Woji, Uji, Udakha and others tribes, which, according to the definition of Russian orientalists, were the ancestors of the modern Udege, Nanai, Oroch and other aborigines of the region. Aboriginal tribes dispersedly settled across the territory of Primorye, starting from the borders of modern North Korea and down to the lower reaches of the Amur, including the entire coast of the Sea of Japan, the adjacent territories of Lake Khanka, the basins of the Sungari, Ussuri rivers and other places. The aborigines of the region, mastering these territories, called them taking into account the trade, natural and ethnic characteristics, and kept these place names in their memory for hundreds of years. With the change in the ethnic composition, the geographical names also changed, this became especially noticeable with the appearance of Chinese migrants in the region, who had a significant impact on the change of place names in the region, which was recorded on geographical maps and reflected in the publications of domestic researchers. In the second half of the 70s of the twentieth century, it was decided to replace the Chinese place names in the region, while leaving the aboriginal place names. The etymology and folk semantics of aboriginal toponyms indicate that they reflect the national characteristics of local ethnic groups and their deep knowledge of the occupied territory.

Key words: *culture, tradition, toponyms, etymology, semantics, tribes, aborigines, territory, Primorye*

Для цитирования: Старцев А. Ф. Этимология китайских и традиционных топонимов тунгусо-маньчжурских этносов Приморья // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 30–37. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/30-37

For citation: Startsev A. F. Etymology of Chinese and traditional toponyms of the Tungus-Manchu ethnic groups of Primorye // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 3. P. 30–37. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/30-37

